

Жизнь и смерть реформатора

Активное милосердие и неуклонное стремление опираться на национальные кадры составляют заметное различие во взглядах Федора и Петра. Старший брат отнюдь не отторгал иноземцев – именно в его царствование прославились, например, генерал-майоры Афанасий Трауернихт и Патрик Гордон, полковники Грант, Россворм и Верст, западноевропейские инженеры, мастера, художники; даже авантюрист Франц Лефорт нашел себе местечко на службе. Но их опыт и знания царь использовал для обучения россиян, добиваясь, чтобы те превзошли учителей, как это стало с первыми генералами.

Было у братьев и немало родственных черт: энергий, неспособность сидеть без дела, стремление вмешиваться во все и вся, стиль указов, гипертрофированная склонность к регламентации жизни подданных. Уже при венчании на царство Федор Алексеевич велел всем явиться в золотой одежде, а ненарядно одетых – гнать в темный угол между Столовой и Сборной палатами. В дальнейшем он беспрерывно распоряжался, как должны выглядеть «золотчики», а в 1680 году издал роспись, в какие дни года носить при дворе золотую, бархатную или шелковую одежду, причем нарушителей гнали с церемоний. Наконец, в октябре 1681 года вместо старинной одежды (ферязей, охабней, однорядок и т. п.) мужчинам и женщинам велено было носить европейское короткое платье. Этот указ был быстро внедрен, поскольку в старой одежде стрельцы не пускали в Кремль – а кто же хотел удалиться от двора!

Царь то запрещал являться в Кремль на извозчиках, то определял, сколько, кому и когда впрягать лошадей в кареты и сани, то отговаривал младших придворных сходить с лошадей и кланяться в землю перед боярами, то регламентировал дуэли (искоренить их даже в Кремле он был не в силах), то серчал на толчею в Столовых сенях, то измышлял правила прохода разных чинов во дворец...

Федор учредил под контролем приказа Каменных дел единые меры для кирпича и белого камня, причем для проверки велел кирпичникам ставить на каждом десятом кирпиче личное клеймо. Но если Петр при каждом удобном случае стремился заглянуть в карман подданных, то Федор, указав строить в Китай-городе только каменные здания, выдал всем хозяевам десятилетнюю ссуду на строительство и многим простил этот долг.

В.Н.Татищев, писавший уже в послепетровские времена о затеях Федора, видел в этих невозвратных ссудах сплошное разорение казны, тогда как старший брат Петра усматривал прибыль в увеличении зажиточности подданных, защите от пожаров, возросшей красоте и величии своей столицы. Великолепием своего дворца и столицы царь с успехом потрясал воображение иностранцев, что было немаловажно, так же как и организованная им при

своем венчании сакрализация самодержавной власти (он даже миропомазался, вопреки традиции, в алтаре, как архиерей).

Однако Федор Алексеевич знал меру, как свидетельствует указ от 8 июня 1680 года, интересно раскрывающий характер государя. Царь рассердился, узнав, что придворные в челобитных стали уподоблять его Богу: «И то слово в челобитных писать непристойно... а если кто впредь дерзнет так писать – и тем за то от него... быть в великой опале!» Тут, вполне в духе Петра, мысль его перескочила на иную тему: являются к нему во дворец из домов, где есть заразные больные, – сие есть «безстрашная дерзость... и неостерегательство его, государева, здоровья». Лучше бы поздравляли с праздником и здоровья желали, а не Богу уподобляли.

Читатель знает Петра I как жизнерадостного кутилу, а соцарствовавшего с ним Ивана – как аскета-богомольца. Федор сочетал в себе эти качества без крайностей. Он неукоснительно исполнял царские обязанности на церковных церемониях, но мысли его не всегда возносились при этом к небу. Мы помним, как на богомолье в Соловецкой пустыни он развлекался стрельбой из лука. А в 1679 году на крестном ходе он углядел в толпе зрителей девушку, был сражен наповал, но по привычке к быстрым решениям реагировал мгновенно: шепнул постельничему И.М. Языкову узнать, кто такая.

Языков проследил, разузнал и доложил: дочь смоленского шляхтича Агафья Симеоновна Грушевская, живет в доме тетки, жены окольного С.И. Заборовского. Царь Федор послал Языкова в дом познакомиться с семьей поближе, а вскоре велел объявить Заборовскому, «чтоб он ту свою племянницу хранил и без указа замуж не выдавал». Намерение государя жениться вопреки вековечным правилам повергло родню в шок, Милославский даже брякнул по-русски прямо: «Мать ея и она в некоторых непристойностях известны!»

Федор поверил, впал в тоску, кушать перестал, но преданные слуги уговорили его проверить слова дяди. И.М. Языков и А.Т. Лихачев (воспитатель царевича Алексея Алексеевича) поехали к Заборовскому и, ужасно смущаясь, спросили «о состоянии» невесты. Все «установили бороды» и задумались, «как стыд о таком деле девице говорить», однако Агафья Симеоновна вышла к гостям сама и сказала напрямик, «чтоб оне о ея чести ни коего сомнения не имели и она их в том под потеряннем живота своего утверждает»!

Царь вновь поверил в счастье, прогарцевал, направляясь со свитой в Воробьево, мимо дома Заборовских, узрев свою милую в «чердачном окошке», и 18 июля 1680 года отпраздновал свадьбу. Царица простила И.М. Милославского, «разсудя слабость человеческую», но царь, встретив его как-то в темном закутке дворца с подарками Агафье Симеоновне, разъярился: «Ты прежде непотребную ея поносил, а ныне хочешь дарами свои плутни закрыть!» – и вытолкнул боярина в шею, насилу государя успокоили.

Счастье Федора Алексеевича длилось не долго. 11 июля 1681 года он радостно объявил стране о рождении царевича Илии, но 14 числа скончалась царица, а утром в четверг 21 июля – и младенец. Неизвестно, влюбившись или по настоянию приближенных, обеспокоенных отсутствием наследника, царь 12 февраля 1682 года объявил о выборе второй супруги – Марфы Матвеевны Апраксиной, дочери незнатного дворянина (зато свойственника И.М. Языкова).

Пятнадцатого февраля была скромно сыграна свадьба, без обычного чина и при запертом Кремле. Супружеское общение с пятнадцатилетней девушкой, вдобавок к бремени реформ и государственного управления, оказалось непосильной ношей. Царь слег, и только 21 -го сумел принять придворных с Поздравлениями, а 23-го царь и царица дали свадебные «столы».

Отход царя от непосредственного управления взволновал столицу. На посаде, особенно в стрелецких и солдатских полках, ширился ропот против «налогов начальнических и неправедных обид», против «временщиков», с которыми стакнулось мелкое начальство. Видно, Федору так и не удалось наладить государственную машину, способную «мирствовать многое множество людей» справедливостью и правосудием без бдительного ока самодержца.

Даже больной, царь продолжал принимать важные государственные решения. Так, получив известия об опасности угрожавшей русским поселениям в Приамурье со стороны Цинской империи, он резко потребовал от патриарха назначить епископов в Даурские, Нерчинские и Албазинские остроги «для исправления и спасения людей, пребывающих в тех градех».

Одновременно он двинул войска Казанского округа под командой П.В. Большого Шереметева в Симбирск, а с «Сибирским полком на китайцы» велел идти К.О. Хлопову. Федор Алексеевич не желал позорно жертвовать Амуром, как это сделало правительство Софьи и подтвердило правительство Натальи Кирилловны. Однако царь не знал, что совсем рядом, в кольце стрелецких слобод вокруг Москвы, закипает гнев на «бояр и думных людей», приказавших высечь челобитчика; обратившегося в Стрелецкий приказ с жалобой на особенно свирепого полковника.

В этой «неправде» многие обвиняли И.М. Языкова – невеликого политика, только с 1680 года возглавившего Оружейную, Золотую и Серебряную палаты и получившего боярство, но близкого к царю комнатного человека, значение которого увеличивалось при болезни государя. Говорили также, что Языков, Лихачевы и Апраксины стакнулись со сторонниками царевича Петра и именно они уговорили Федора облегчить ссылку Матвеева и Нарышкиных. Предвидя кончину государя, многие видные роды во главе с патриархом

Иоакимом уже готовили переворот с целью отстранения от законного наследства шестнадцатилетнего царевича Ивана в пользу десятилетнего Петра.

Двадцать третьего апреля знать пирувала в палатах патриарха: были даже друзья Федора Алексеевича – В.В. Голицын и В.Д. Долгоруков. А на окраинах Москвы и в Бутырках лучшие полки русской армии, собравшись «в круги» по казачьему обычаю, приняли решение о совместном выступлении против «тяжелоносия» полковников. В тот же день два десятка стрелецких полков и дивизия выборных солдат направили во дворец представителей с жалобой на одного полковника – Семена Грибоедова.

Ни Языков, никто другой не посмели отказать в передаче этой челобитной царю, который сразу понял значение объединения всей гвардии против одного начальника. Двадцать четвертого апреля 1682 года Федор Алексеевич указал: «Семена послать в Тотьму, и вотчины отнять, и ис полковников отставить». Это был самый последний указ государя, лишившегося сил и неотвратимо близившегося к могиле. Он мог бы остановить назревавшее вооруженное восстание, но «верхи» уже не боялись царского контроля. Полковник был посажен в тюрьму – и через сутки выпущен, а 27 апреля 1682 года, «сей же час» по смерти Федора Алексеевича, на престол был посажен малолетний Петр.

Известие о смерти Федора, «иже име леты довольны, и разум совершен, и бе милосерд», и воцарении Петра, «иже млад сый и Российскаго царствия на управление не доволен», означало для подданных, что бояре и приказные люди, «не имея над собою довольнаго... правителя и от неправды воздержателя, яко волки имут нас, бедных овец, по своей воли во свое насыщение и утешение пожирати». Это известие означало также, что подданные «лучше избрали смерть, нежели бедственный живот», и что те, кто в эти дни беспечно плетет интриги во дворце, вскоре полетят на копья и будут «в мелочь» изрублены восставшими.

Восставшие, на несколько месяцев захватившие власть в Москве и успевшие даже поставить памятник своей победе над «изменниками-боярами и думными людьми», исповедовали в своем понимании те же идеи, что и царь Федор: общей правды, равного правосудия, уважения государственных функций всех сословий и т. п. Поражение, нанесенное им «мужеумной» царевной Софьей, на долгое время определило трагическую судьбу русского либерализма. Царствование же Федора Алексеевича было на столетия вычеркнуто из истории.